

«У нас, евреев, другое мировоззрение»:

Жизнь Хаима Нахмана Бялика в период революций в России и его отношение к революционной идее

Рассеется ли тьма?

Придет ли конец революции?

(Х. Н. Бялик, «Ночные размышления»)

Как известно, среди лидеров движения, приведшего к падению царского режима в России и к Октябрьской революции, было немало евреев. Революционное движение пробудило в российских евреях, особенно в евреях образованных, близких к «народничеству», утопические надежды на улучшение положения евреев в России будущего.¹ Русская революция и ее влияние на еврейскую жизнь вызвали значительный резонанс в литературе на иврите, которая развивалась под влиянием русской литературы и ее революционных идей.² Хаим Нахман Бялик (1873-1934), поэт, один из основателей современной литературы на иврите, жил в России, большей частью в Одессе, в период трех революций – 1905 года, Февральской и Октябрьской. Он лично пережил события русской революции, и она оказала прямое воздействие на его жизнь. Наряду с сочинениями, написанными в этот период, но не связанными с событиями тех лет, в творчестве Бялика можно найти произведения, отражающие его отношение, чаще всего отрицательное, к русской революции и к революции вообще, как к исторической и политической идее.

Жизнь Бялика в период трех революций

Летом 1905 года Бялик вернулся в Одессу после полутора лет, проведенных в Варшаве.³ Здесь он продолжал писать стихи («Ха-бреиха» – «Пруд», «Ахнисини тахат кнафех» – «Укрой меня своим крылом») и вернулся к работе в издательстве «Мория», обеспечивавшей поэту средства к существованию.⁴ В 1905 году Одесса была во власти вооруженных банд,

¹* Данная статья написана в 1997 году, к 80-летию русской революции.

О еврейском движении в период, предшествующий русской революции, и о надеждах евреев на ее результаты, см.: И. Френкель, *Нэвуа вэ-политика: социализм, леумиот ве-иудей Русия, 1917-1862* (Пророчество и политика: социализм, национализм и евреи России, 1862-1917), Тель-Авив 1989, сс. 161-187; E. Haberer, *Jews and Revolution in Nineteenth-Century Russia*, Cambridge 1995.

² Об отражении русской революции и поэмы А. Блока «Двенадцать» в рассказах и романах на иврите, см.: Н. Говрин, Маапехат октобер би-рэй ха-сифрут ха-иврит (Октябрьская революция в зеркале ивритской литературы), *Мафтехом*, Тель-Авив 1978, сс. 78-118; или: N. Govrin, The October Revolution in Hebrew Literature, *Jews in Eastern Europe* 2 (21), 1993, pp. 5-26.

³ Бялик находился в Варшаве в связи с редактурой литературного ежемесячника «Ха-Шилоах». В Одессу вернулся в конце февраля или в начале марта. См.: Я. Фихман, *Софрим бэ-хаейем* (Писатели в жизни), Тель-Авив 1942, сс. 54-55.

⁴ Бялик основал издательство «Мория» в 1902 году, совместно с Ш. Бен-Ционом и Х. Равницким, с целью издавать учебники на иврите. В те же годы он работал над сборником агадических рассказов «Сэфер Ха-Агада» (И.-Х. Равницкий, Бялик вэ-сэфер ха-агада. (Бялик и Сэфер Ха-Агада), *Кнесет* 1, 1936, с. 512) и над комментарием к Мишне (первая часть вышла в 1932).

осуществлявших «экспроприацию экспроприированного» как под знаком подготовки к революции, так и в виде обыкновенных грабежей.⁵ В июне 1905 года, во время бунта «Потемкина», были подожжены нефтяные склады Одесского порта. По словам Бялика, это зрелище вдохновило его на написание пролога к поэме «Мегилат ха-эш» («Огненный свиток»)⁶ 18 октября Бялик и Равницкий проводили до Одесского порта Ш. Бен-Циона, уезжавшего в Палестину. На книжке, подаренной Бен-Циону, Бялик написал:

Одесса, 2-е число месяца Хешвана, 5666 год от сотворения мира

18 октября, Первый день Конституции

В кровавой России, ныне обретающей свободу,

В час, когда возгласы «Ура» слышны на всех шумных улицах.⁷

Это посвящение относится к принятию в 1905 году Конституции, пробудившей немало надежд в сердцах одесских евреев, так как, кроме прочего, в ней говорилось об отмене цензуры на произведения, написанные с использованием древнееврейского алфавита, действовавшей в России с 1797 года. Но уже на следующий день в Одессе произошел погром, который спустя две недели Бялик описал в письме к Бен-Циону в Палестину:

(У нас) убийства, разрушение и разорение. Как только мы вернулись с корабля, начались убийства и погромы, продолжавшиеся до субботы. Результаты погромов приблизительно таковы: около четырехсот убитых евреев (более трехсот я видел своими глазами и сосчитал во время погребения), тысячи раненых и **сорок** тысяч остались на улице, голые и босые. Это в Одессе, а что натворили в других городах!⁸

Хотя погром был организован, в основном, на Молдаванке, в квартале еврейской бедноты, далеко от Мало-Арнаутской, 9, где жил Бялик, как и все евреи города, в эти дни он не выходил из дома. На третий, самый тяжелый день погрома, он попытался убедить жившего в том же доме Равницкого продолжить работу над «Сефер Ха-Агада», «...но в таком подавленном настроении работа не двигалась с места, и вскоре мы были вынуждены ее прекратить».⁹ 26 октября 1905 года, по следам погрома, Бялик писал своему другу, проживавшему в Женеве писателю Мордехаю Бен-Ами: «Наши тела и имущество остались целы, но только не наши сердца. Над нашими головами висит меч, в любой момент готовый к резне».¹⁰ Бялик был одним из редакторов «Мегилат Таанит»

⁵ Фихман, *Софрим бэ-хаейем*, с. 57.

⁶ См. Х. Н. Бялик, Машеу аль мэгилат ха-эш (Кое-что об «Огненном свитке»). Лекция в отделении Учительского профсоюза в Тель-Авиве, февраль 1933. – Х. Н. Бялик, *Дварим ше-бэ-аль-нэ* (Устные выступления), Тель-Авив 1935, т. 2, с. 26.

⁷ Равницкий, с. 512.

⁸ Недатированное письмо, конец октября – начало ноября 1905. – Х. Н. Бялик, *Игрот* (Письма), Тель-Авив 1938-1939, т. 2, с. 2.

⁹ Равницкий, с. 513; Ш. Шеба, *Хозэ, брах* (Пророк, беги). История жизни Хаима Нахмана Бялика. Тель-Авив 1990, с. 106.

¹⁰ Бялик, *Игрот*, т. 2, с. 1.

(«Скорбный свиток»), опубликованного в память жертв одесского погрома, и написал стихотворение в память убиенных. В 1906 году он издал два сборника: на иврите («Ми-ширей ха-заам» - «Из Песен гнева») и на идише («Фон цар ун цорн» – «О горе и гневе»), составленных из стихотворений, выражающих его гнев по поводу положения евреев России.

Еще несколько месяцев после погрома в Одессе продолжались забастовки и волнения. Однако Бялик, как и многие другие евреи, не принимал никакого участия в этой бурной деятельности, что только усиливало его угнетенное состояние: «Само собой разумеется, что эта работа (= революция) осуществляется другими, а мы, утонченная молодежь..., – в стороне. Мы заперты в комнате, толкаемся и ничего не делаем. Тоска, тоска».¹¹ Это ощущение тоски еще усиливалось из-за увеличившейся эмиграции одесских евреев, среди которых было много писателей – друзей Бялика:¹² Бен-Цион эмигрировал в Палестину; Менделе, по рекомендации врачей, уехал в Женеву; Бен-Ами тоже поселился в Женеве, а Дубнов переехал в Вильну еще в 1903 году. Бялик жаловался Бен-Циону: «Одесса пустеет. Пятьдесят тысяч человек оставили город и уехали за границу».¹³ Весь этот период поэтом владело чувство тоски, отчаяния, поражения и беспомощности, вызванное «надвигающимися на нас бедствиями» и влиянием различных партий на движение Еврейского возрождения: «О чем еще тебе поведать? Здесь есть бундисты, сионисты и их всевозможные сочетания – чтоб их всех поглотила геенна огненная. Гниль, грязь и зараза. Не осталось нам больше надежды, Бен-Ами, не осталось нам ни смерти, ни жизни, а только вечные муки ада».¹⁴ К беспокойству о состоянии движения национального возрождения добавлялись страхи по поводу смены власти и возмущение усилением идишистов и увеличением газет на идиш.¹⁵ Несмотря на то, что в 1906 году, на праздновании в Одессе 70-летия Менделе Мойхер-Сфорима, Бялик выступил с оптимистической речью о положении еврейского народа и о его способности созидать вопреки «занесенному над нашими головами топору»,¹⁶ в личных письмах он продолжал жаловаться на депрессию и неспособность писать.¹⁷

В годы Первой Мировой войны жизнь евреев Одессы была относительно спокойной: кафе были переполнены, торговля и коммерция процветали, и даже культурная жизнь города кипела,

¹¹ Там, с. 3.

¹² Там.

¹³ Там, с. 5.

¹⁴ Письмо к Бен-Ами, 11 швата 1906. – Там, с. 11.

¹⁵ 3 января 1906 г. Бялик писал Менделе Мойхер-Сфориму в Женеву: «С тех пор, как издавать газеты разрешено всем и каждому, газеты на жаргоне (идише) стали расти, как сорная трава... Один только Бунд, по-моему, выпускает сейчас «Вэкер» (Будильник), «Лэкер», «Шмэкер» и тому подобное». – Письмо опубликовано в литературном приложении к газете *Давар*, 27.7.1951, с. 3.

¹⁶ М. Унгерфельд, 50 шана ле-фтират Бялик (К 50-летию кончины Бялика) *Мознайт* (Весы) 2 (26), 1968, с. 99.

¹⁷ См. письмо к Бен-Ами, 12 мая 1907. – Бялик, *Игрот*, т. 2, с. 46-47.

оживляемая, в частности, гастрольями артистов со всего мира.¹⁸ В то же время все мужчины города были мобилизованы, кроме тех, кто был занят на оборонительных работах и в военных учреждениях. Бялик не подлежал мобилизации по возрасту, но должен был работать служащим на фабрике по несколько часов в день (вместе с ним работал и Фихман).¹⁹ И все-таки эхо войны достигло Одессы: с целью укрепления морального духа жителей в ней проводились военные парады с участием царской семьи.²⁰ Военный режим, объявленный 5 июня 1915 года, запрещал печать и даже личную переписку на еврейском алфавите в местности, примыкающей к фронту, которая включала в себя весь район черты оседлости, в том числе и Одессу. Этот запрет угрожал парализовать издательскую и типографскую деятельность «Мория», и усугубил материальные трудности Бялика.

Февральская революция 1917 года прошла в Одессе без всяких беспорядков. В городе царила приподнятая атмосфера, чему в особенности способствовали указы Керенского (тогда министра юстиции) освободить политических заключенных, среди которых было много сионистов, обеспечить евреям равные права с остальным населением и отменить все антиеврейские законы.²¹ Отменен был и запрет на еврейскую печать, что позволило выпустить в свет альманах «Кнессет» под редакцией Бялика. Альманах включал в себя большинство произведений, написанных поэтом во время войны: стихи «Ийе хелки имахем» («Да будет моя участь такой, как ваша»), «Эхад эхад у-вэ-эйн роэ» («Один, один, и невидимо»), «Хециц ва-мет» («Взглянул и умер») и «Ла-менацеах ха-мехолот» («Дирижеру плясок»), рассказ «Ха-хацоцра нитбайша» («Трубе было стыдно») и очерки «Халаха вэ-Агада» («Галаха и Агада») и «Гилуй вэ-кисуй ба-лашон» («Открытие и сокрытие в языке»). Стал возможен также выход в свет сборника «Оламейну» («Наш мир») (июль 1917) под редакцией М. Гликсона,²² в котором были опубликованы стихотворение Бялика «Халфа аль панай» («Прошла мимо меня») и две заметки из «Решимот ки-леахар яд» («Небрежные заметки»): «Ле-мемшелет ха-марш» («Правительству марша») и «Меуват ло юхаль литкон» («Испорченный не сможет исправить»).

По сравнению с относительным спокойствием в Одессе после Февральской революции, Октябрьская революция принесла жителям города, и особенно евреям, месяцы невыносимых страданий. Город несколько раз переходил из рук в руки, и каждая смена власти сопровождалась беспорядками и кровопролитием. Городом попеременно владели: солдаты Керенского,

¹⁸ Ш. Усышкин, *Има Одесса* (Одесса-мама). Иерусалим 1984, с. 75.

¹⁹ Маня Бялик, *Пиркей зихаронот* (Главы воспоминаний). Двир, Тель-Авив 1963, с. 29.

²⁰ Усышкин, *Има Одесса*, сс. 79-80.

²¹ Там, с. 96.

²² Доктор Моше Йосеф Гликсон был также редактором еженедельника «Ха-ам» (Народ), который выходил в Москве и перерос в ежедневник; он был единственной ежедневной газетой на иврите в годы революции.

большевики, австрийцы, немцы, французы, армия Деникина, батальоны Скоропадского, отряды Петлюры и другие банды. В период правления Деникина жизнь Бялика находилась в опасности, так как его зять, Ян Гамарник, муж Блюмы, которая приходилась сестрой жене поэта Мане, был генералом Красной армии. Деникинцы арестовали Бялика, но один из офицеров, которого Бялик в свое время прятал от большевиков, спас его.²³

Вскоре после установления власти большевиков в Одессе, культурная деятельность на иврите стала преследоваться и начались аресты подозреваемых в сионизме. По свидетельству очевидца, книги издательства «Мориа» были конфискованы и использованы как оберточная бумага. Бялик обивал пороги власти и ходатайствовал за пострадавших с истинной самоотверженностью:

И начал Бялик бегать от одного комиссара к другому /.../ Пишущий эти строки слышал, как Бялик сказал тогдашнему комиссару Одессы по финансовым вопросам Духовному: «Посреди города вы устроили ад и назвали его ЧК: наверху сидят довольные, едят и насыщаются, а внизу стоят палачи и казнят.» Те, кто жил тогда в России, знают, что такое разговаривать с комиссаром, да еще так говорить о деяниях ЧК. За такие слова человек мог стать короче на голову. Но Бялик ничего не боялся и бегал целыми днями, чтобы спасти жизни еврейских заключенных, ни за что ни про что попавших в застенки ЧК.²⁴

Все население города было захвачено организационной лихорадкой:

Одним из лозунгов революции было объединение... Все объединялись в политические, профессиональные, национальные, культурные и другие комитеты. Достаточно было одному или двум гражданам заявить о создании какого-либо комитета, чтобы толпы людей пришли записываться, иногда даже не зная, куда и зачем они записываются.²⁵

В этой атмосфере Бялик продолжал свое дело: работал с Равницким над собранием стихов Ибн Габироля и над другими сборниками еврейской литературы,²⁶ а также вел общественную работу по организации образования на иврите. Материальную проблему он решал с помощью переводов для Штибеля (хозяина вновь созданного издательства)²⁷ и даже умудрялся добиваться от него помощи нуждающимся одесским писателям.²⁸

²³ Шеба, *Хозэ, брах*, сс. 167-169. Гильбоа пишет, что Ян Гамарник был членом губернского рабочего комитета. По его вмешательству был отменен арест членов делегации «Профсоюза сионистских школьников», протестовавших против отмены занятий на иврите весной 1920. См. И. Гильбоа, *Лашон омэдэт аль нафша: тарбут иврит би-врит ха-моэцот* (Язык стоит на своем: Культура на иврите в Советском Союзе). Тель-Авив 1977, с. 120.

²⁴ З. Розенталь, Им Бялик (С Бяликом). *Мознайим* (Весы) 2, 1934 [Т"זגל], сс. 448-449.

²⁵ Усышкин, *Има Одесса*, с. 98.

²⁶ В 1917 году в Одессе вышла в свет книга *Рэшумот* (Записки): сборник мемуаристских, этнографических и фольклористских материалов, одним из редакторов которого был Бялик (вместе с Равницким и Друяновым).

²⁷ Бялик, *Игрот*, т. 2, с. 182.

²⁸ Там, с. 186.

Слух о Декларации Бальфура, распространившийся в начале ноября 1917, вызвал у одесских евреев сильнейшее воодушевление и заставил их забыть на какое-то время все волнения, связанные с большевистской революцией. Событие праздновалось в течение семи дней.²⁹ 16 ноября Бялик шествовал по улицам города в торжественной процессии, в которой участвовало 50 тысяч человек. Во главе процессии шагал Оркестр Самообороны, и все участники праздника пели Ха-Тикву и Марсельезу. Участники праздника несли бело-голубые знамена, а также флаги Великобритании и Революции. 20 ноября Бялик выступил с докладом на вечере, организованном в драматическом театре. Его слова были пронизаны надеждой. Хотя и для него было достаточно ясно, что большинство евреев останутся в диаспоре, «но Земля Израиля послужит кровеносным сосудом для всех евреев рассеяния».³⁰ Вместе с тем, в частных беседах Бялик высказывал скептические замечания в адрес Бальфурской декларации, и не предавался излишним надеждам.³¹

В ноябре 1918 года Бялик был избран делегатом на Еврейскую Национальную Ассамблею, которая проводилась в рамках автономии для нацменьшинств, объявленной независимым Украинским правительством. Выборы проводились на фоне борьбы между сионистами и идишистами, усилившими свою деятельность в период между Февральской и Октябрьской революциями.³² Предложение кандидатуры Бялика на пост Президента Ассамблеи было отвергнуто самими сионистами из опасения, что его выступление вызовет скандал; но все равно его слова о надеждах, связанных с еврейским заселением Палестины, вызвали шумное негодование со стороны бундистов.³³

В Одессе продолжались беспорядки. Летом 1918 года, в период правления Независимой Украинской республики,³⁴ Бялик писал Давиду Фришману, проживавшему в то время в Москве: «Сейчас, когда я пишу эти строки, земля качается, как пьяная, стены домов трясутся и стекла в окнах дребезжат и лопаются. Страх и паника охватили весь город. Мужчины, женщины и дети пытаются убежать от смерти, а из недр города слышны звуки взрывов, и столпы огня и дыма поднимаются до небес».³⁵ В этих условиях Бялик продолжает писать стихи, редактировать книги и заниматься общественной деятельностью.

²⁹ См. «Ле-раглей ха-декларация ха-англит: михтавим ми-Одесса» (По случаю Английской декларации (Бальфура): Письма из Одессы), *Ха-ам* 2 (1-2), 1918, сс. 27-29.

³⁰ Из выступления Бялика. – Там, сс. 29-30.

³¹ Э. Мейтус, *Би-мехицатам шель софрим* (В кругу писателей), Тель-Авив 1977, сс. 102, 104; Шеба, *Хозэ, брах*, с. 169.

³² Гильбоа, *Лашон омэдэт аль нафша*, сс. 26-31.

³³ А. З. Бен-Ишай, Пиркей Украина (Украинские главы). *Хе-Авар* (Прошлое) 18, 1971, сс. 172-173.

³⁴ В июне 1918 г. в Киеве, при поддержке Германии, было основано Независимое Украинское правительство с гетманом Скоропадским во главе. Власть этого правительства продержалась до декабря того же года.

³⁵ Бялик, *Игрот*, т. 2, с. 194.

В 1919 году из порта Одессы в Палестину вышел корабль «Руслан», с большой группой евреев из Одессы и других российских городов на борту. Бялик был готов эмигрировать вместе с семьей на этом корабле, но остался из-за болезни племянницы.³⁶ После укрепления большевистской власти в городе положение ивритских писателей ухудшилось благодаря активным действиям членов Евсекции (Еврейская секция Коммунистической партии существовала в 1918-1930 годах). Бялик, пользовавшийся уважением со стороны местной власти, продолжал ходатайствовать за нуждающихся и ждал возможности уехать в Палестину.³⁷

Отъезд Бялика из России

Отъезд Бялика из России летом 1921 года – это долгая и сложная история.³⁸ Она началась почти случайно. Журналист Аарон Литай (1878-1952) решил попросить разрешения на выезд для группы писателей и включил в список Бялика, без ведома последнего. Бялику идея понравилась, и он предложил написать письмо Максиму Горькому. Бялик лично знал Горького и высоко его ценил, к тому же считалось, что тот имеет влияние на Ленина. Письмо к Горькому Бялик писал вместе с редактором и ученым Альтером Друяновым (1870-1938), а передал его адресату русско-еврейский журналист Соколовский. Горький обратился к Ленину, и тот обещал помочь писателям, если будет подана соответствующая просьба. На письме Бялика к Горькому Ленин собственноручно написал «Карахану» (Лев Карахан был заместителем Наркома иностранных дел Чичерина и отвечал за выездные визы).³⁹

В конце февраля 1921 года, после получения разрешения на выезд из Одессы,⁴⁰ началось многострадальное путешествие Бялика в Москву для получения официального разрешения на выезд в Комиссариате иностранных дел.⁴¹ Он добирался по железной дороге через Киев в

³⁶ Об этом свидетельствует Иудит Кастлер, дочь брата Бялика Исраэля Бэра. – См.: Шеба, *Хозэ, брах*, с. 179.

³⁷ Маня Бялик, *Пиркей зихаронот*, с. 33.

³⁸ Поездка из Одессы в Москву и история получения разрешения на выезд из России подробно описаны Моше Клейманом в серии записок под названием «Им Бялик ле-Москва» (С Бяликом в Москву). – *Давар*, 25.9.1936, с. 14; 2.10.1936, с. 4; 9.10.1936, с. 5; 16.10.1936, с. 3; 23.10.1936, с. 4; 30.10.1936, с. 3; 6.11.1936, с. 4. См. также: М. Клейман, Из недавнего прошлого, наш отъезд из России. – *Рассвет* (Берлин), 1 июля 1923; Бялик, *Игрот*, т. 2, с.198-211; А. Рефаэли (Ценципер), *Ба-маавак ли-геула: сэфер ха-ционут ха-русит ми-маапехат 1917 ад ямейну* (В борьбе за освобождение: Книга о Российском сионизме от революции 1917 до наших дней). Тель-Авив 1947 [т"шп]; Ц. Шуали, *Нафтулейя шель хоцаат сфарим иврит: хоцаат ха-сфарим Двир, 1924-1921* (Похождения ивритского издательства: Издательство Двир, 1921-1924). – Дипломная работа, Тель-Авивский университет, 1990, сс. 18-22. Автор благодарит Нурит Говрин за то, что обратила ее внимание на этот источник.

³⁹ А. Литай, Ецият Русия (Отъезд из России). – *Ха-арэц* (Земля), 15.8.1934, сс. 5-6.

⁴⁰ Разрешение было получено при ходатайстве Якова Вассермана, директора частной школы в Одессе, который во время власти Деникина прятал у себя в доме одного из большевистских вождей. См.: Литай, Ецият Русия, с. 5.

⁴¹ Следует отметить, что заместителем Комиссара Иностранных дел был М. М. Литвинов (Валлах), зять которого, д-р Идер, был представителем «Ваад ха-цирим» (делегированного

сопровождении журналиста и редактора Моше Клеймана (1870-1948). Они прибыли в Москву в начале марта и остановились в доме инженера Александра Залкина.⁴² Однако получения выездной визы пришлось ждать еще два месяца.⁴³ Спустя три недели пришло письмо от Горького, находившегося в Петрограде. В письме Горький объяснял, что Ленин дал указание разрешить им выезд, и теперь следует подать официальное прошение в Комиссариат иностранных дел, в отдел англоязычных стран, к которым относилась и Палестина. Он советовал не раздувать список отъезжающих и включить в него семьи только тех писателей, на которых нет никаких «буржуазных и контрреволюционных пятен», т. е. тех, кто не занимался коммерцией и не держал наемных работников.⁴⁴ С предельной осторожностью, в течение долгих дней, пользуясь помощью главного раввина Москвы Якова Мазэ,⁴⁵ составляли Бялик и Клейман коллективное прошение. «Мы все были согласны, что хотя при аргументации нашей просьбы необходима осторожность, все-таки следует быть честными и не скрывать свою принадлежность к сионизму и **внутреннюю отчужденность** от происходящего в России, а с другой стороны, духовную связь с Землей Израиля и с начинающимся в ней национальным строительством», - писал Моше Клейман.⁴⁶ Само прошение выглядело так:⁴⁷

комитета) Эрец-Исраэль (Земли Израиля) в России. В январе 1921 д-р Идер передал Литвинову перечень требований по поводу деятельности на пользу Эрец-Исраэль и сионистской работы в России. В ответе Комиссариата от 10 февраля говорится: «Мы никогда не преследовали принципы сионизма как таковые». См.: И. Рабинович, *Ми-Москва ли-Ерушалаим* (Из Москвы в Иерусалим). Иерусалим 1957, сс. 43-44.

⁴² См. письмо Бялика жене Мане от 8 марта 1921 г. - Бялик, *Игрот*, т. 2, с. 200-201.

⁴³ Там, с. 208.

⁴⁴ Клейман, *Давар*, 23.10.1936.

⁴⁵ Яков Мазэ (1859-1924) – раввин, сионистский деятель, оратор и ивритский писатель. С 1893 г. – главный раввин Москвы. Получил известность благодаря своим успехам в опровержении кровавых обвинений по делу Бейлиса. После революции 1917 года был делегатом Еврейского Национального списка на Всероссийском Еврейском конгрессе. Боролся за свободу сионистской деятельности и за право заниматься творчеством на языке иврит.

⁴⁶ Клейман, *Давар*.

⁴⁷ Машинописная копия оригинала на русском языке хранится в архиве Моше Клеймана, Архион Циони (Сионистский архив), 115А, папка 28. Синтаксис, орфография и пунктуация оригинала цитируются без изменений. /Перевод на иврит, осуществленный Клейманом, опубликован в журнале *Ха-олам* (Мир), 1940, сс. 704-705./

В НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Гр. Гр. Х.Н.Бялика, и М.В.Клеймана
за себя и по поручению группы
еврейских писателей из Одессы.

Врем. адрес в Москве
Чистопрудный бульв., Мыльников
пер. № 9 кв. 17.

ЗАЯВЛЕНИЕ

В дополнение к поданным нами заявлениям от 12-ти семейств еврейских литераторов, мы в следующем излагаем вкратце мотивы, побуждающие нас просить о разрешении нам выезда из России в Палестину.

Все мы – работники в области науки и литературы исключительно на т.н. древнееврейском «библейском» языке и в этой работе мы провели всю жизнь. Ниже помещаем подробную литературную характеристику каждого из нас. Во многих отношениях мы представляем тесно сплоченную группу, осуществляем часто совместные, коллективные труды по лексикографии, историографии и т.п. и объединены общим планом литературных заданий.

Уже с начала войны наше положение все более ухудшается и силой самих событий складывается во вред и нам лично и всему тому культурному делу, которому мы служим. Запрещение царским правительством еврейского слова вообще, гражданская война и сопутствующие ей ужасы, разруха транспорта, сепаратизм частей государства с наибольшим еврейским населением, налеты всевозможных банд и, наконец, всеразрушающие погромы, - все это постепенно уничтожает налаженную еврейскую культурную жизнь и лишает нас общения с читающим нас миром как в России, так и в других странах.

Но и с успокоением страны перспективы для нас не становятся лучшими. По целому ряду объективных условий мы на долгое время лишены возможности реализовать нашу энергию и труды на нашем поприще. Нет у нас ни издательских институтов, ни технических средств к изданию, ни общения с читающим нас миром; мы обречены на полное бездействие и прозябание, что представляет одинаковый ущерб как для нас самих, так и для дела культуры вообще. Мы смело можем сказать, что в нашей среде творятся ценности высокого культурного, подчас даже мирового значения.

В это же время в Палестине наш язык живет и для нашей научной и литературной на нем деятельности есть широчайший простор. Там есть публика в нас нуждающаяся и в которой мы

нуждаемся. Есть и объективные условия, позволяющие нам продолжать и развивать нашу обычную деятельность.

Мы не сомневаемся, что Советская Власть, чуткая к запросам человеческой культуры в ее чистейшем проявлении, дорожающая ее ценностями, где бы они ни творились, даст нам возможность посвятить нашу дальнейшую жизнь излюбленному делу науки и литературы на родном для нас языке и реализовать наши труды, накопленные за последние 7 лет, без этого обреченные на безвозвратную гибель.

Мы просим:

1) Выдать нам просимые разрешения на выезд из России в Палестину вместе с членами наших семейств, материально от нас зависящими, и во многих случаях нам помогающими в нашей работе;

2) Предоставить нам возможность выбрать наикратчайший путь следования. У нас средства слишком ничтожны, чтобы пуститься в дальнее круговое путешествие и нужно поэтому выбрать наиболее краткий и прямой путь. В этом смысле важны для нас в последовательном порядке следующие пункты: Одесский порт, откуда можем уехать на одном из прибывающих туда пароходов; одна из сухопутных границ Румынии или Польши; и, наконец, через Латвию или Эстонию. Мы просим предоставить нам самим выбор в зависимости от возможностей.

3) Разрешить нам вывозить с собой накопившиеся у нас рукописи и неиспользованные матрицы собственных наших сочинений на древне-еврейском языке, а также наши рабочие библиотеки, состоящие преимущественно из книг на древне-еврейском языке или по специальным вопросам на других языках, без которых работа литератора невозможна.

Москва, 2 апреля 1920 г.⁴⁸

Через несколько дней после подачи прошения, Бялик и Клейман были приглашены в отдел англоязычных стран. Их принял начальник отдела, еврей по имени Григорий Исакович Вайнштейн.⁴⁹ После долгой беседы с ним Бялик и Клейман обязались подписать декларацию о

⁴⁸ На самом деле документ был составлен в 1921 году, а 1920 записан по ошибке. К прошению прилагаются список писателей, «принадлежащих к нашей группе», и «литературные характеристики» каждого из них. Список возглавляет Х. Н. Бялик – «поэт, лексикограф, литературовед», и далее следуют имена М. Б. Клеймана, А. Г. Друянова, И. Х. Равницкого, Ш. Черниковского, А. М. Рабиновича (Литаи), М. Г. Семицкого, А. Иерусалимского, Б. З. Динабурга (Динура), А. М. Фейерштейна (Авигдора Хамеири), Г. Л. Войславского и Х. Виленского. Единственным не выехавшим из России вместе с группой был Черниковский, который остался в России еще на один год.

⁴⁹ Клейман не упоминает его имени, однако пишет, что тот занимал в Комиссариате влиятельную должность, близкую к должности заместителя Наркома (официальным заместителем был Литвинов), не сменил еврейскую фамилию на русскую или «революционную», получил назначение на должность после того, как был политическим эмигрантом в Америке, и после их отъезда из России его имя было замешано в каком-то

том, что после отъезда из России они не будут заниматься антисоветской пропагандой. Однако прошение было задержано еще на три недели чиновником по имени Миша Романовский, из-за сопротивления, проявленного любовницей Романовского – дочерью раввина, фанатичной коммунисткой и членом Евсекции.⁵⁰ Через некоторое время, когда опасность возросла, Бялик и Клейман вновь обратились за помощью к Мазэ, который связал их с другом своей семьи доктором Александром Шпигелем, еврейским врачом-венерологом, лично лечившим некоторых из руководителей Советской власти. Шпигель устроил званый ужин, на котором познакомил Бялика с Романовским, но цель не была достигнута: Романовский не уступил. После двухнедельных ходатайств Шпигелю удалось устроить личную встречу Бялика и Клеймана с самим министром иностранных дел Георгием Васильевичем Чичериным, который пользовался услугами доктора Шпигеля.⁵¹ Около полуночи лимузин доктора Шпигеля доставил их в Дом Советов, там они прождали до двух часов ночи, после чего состоялась долгая беседа между ними и Чичериным. Бялик и здесь не упустил случая выразить свой, еврейский, взгляд на революцию. По словам Клеймана, в конце встречи Чичерин показал своим собеседникам маленькие фотонегативы и объяснил, что во время встречи снимал их с помощью встроенного в наручные часы фотоаппарата.

В конце концов разрешение было получено. Перед отъездом Бялика и Клеймана из Москвы для них был запланирован прощальный прием с участием Наркома просвещения Анатолия Луначарского. Однако члены Евсекции обратились к властям с просьбой запретить Луначарскому участвовать в мероприятии, посвященном бегущим от Советской власти писателям. Бялик покинул Одессу 20 июня 1921 года, но революция продолжала сопровождать его и после отъезда из России. Перед высадкой с корабля «Анастасия», доставившего Бялика из Одессы в Кушту, на палубу поднялись два офицера белогвардейской разведки и допросили пассажиров с целью выяснить «настоящую причину», по которой власти разрешили им выехать из страны.⁵²

политическом скандале, связанном с Америкой. Он сказал писателям, что не является членом Евсекции. Согласно сборнику «Вся Россия за 1923 г.», в 1923 г. Григорий Исакович Вайнштейн был заведомо англоязычных стран в Комиссариате иностранных дел, и приведенные там биографические данные соответствуют тем, которые упоминает Клейман.

⁵⁰ См.: A. S. Spiegel, *A Life in Storm*, Jerusalem and Tel Aviv 1963, p. 144.

⁵¹ Клейман называет Чичерина "этот человек" и рассказывает, что врач сделал ему инъекцию против венерической болезни (Клейман, 6.11.1936). Литвайт пишет: «Они должны были передать прошение Наркому иностранных дел Чичерину». О настоящих и мнимых болезнях Чичерина, о его нервозности и странном распорядке дня, начинавшемся в послеобеденные часы и завершавшемся под утро, см.: T. J. Uldricks, *Diplomacy and Ideology: The Origins of Soviet Foreign Relations 1917-1930*, Beverly Hills and London 1971, pp. 30, 89.

⁵² Б. Динур, Арбаим у-шлоша йом ми-Одесса ле-Хайфа: зихронот маса (Сорок три дня от Одессы до Хайфы: Воспоминания о путешествии). – *Молад* 19, 1916, сс. 592-593.

Отношение Бялика к Февральской и Октябрьской революциям

Бялик судил о революциях, произошедших в 1917 году в России, с точки зрения еврея и еврейского писателя. Его мировоззрение никогда не было социалистическим или коммунистическим, но, вероятно, его отношение к социализму и коммунизму было бы менее отрицательным, если бы Советская власть иначе отнеслась к языку иврит и к культуре на этом языке.⁵³ Как повлияют последствия революции на социально-политическое положение евреев? какой силой в России будет обладать антисемитизм? каковы шансы на возрождение культуры на иврите в постреволюционной России? – таковы были вопросы, по которым Бялик судил о революциях 1917 года.

Ответы на эти вопросы объясняют естественную разницу в его отношении к двум революциям, произошедшим в 1917 году: Февральская революция вызвала у него, как и у всех российских евреев, большие надежды.⁵⁴ В течение короткого промежутка времени он надеялся, что новая власть положит конец притеснению российских евреев или, по крайней мере, облегчит их положение, но, как и многие другие, вскоре разочаровался. Свою реакцию на Февральскую революцию он сформулировал в редакционном обращении к читателям сборника *Кнессет*, вышедшего в Одессе в 1917 году. В этом обращении выражается надежда, что после многолетней царской цензуры на любое проявление еврейского национального самосознания голос еврейского народа наконец-то сможет быть услышан всеми. Бялик объяснял, что только из-за «особых условий», существовавших в период издания сборника, то есть из-за действовавшей в период войны военной цензуры, в сборник не были включены статьи на злободневные темы: «Я должен сказать, что в **такие** дни, подобных которым не знали евреи со времен Адриана и крестовых походов, лучше молчать, чем выражаться невнятно».

Как было сказано, оптимизм рассеялся довольно быстро. 20 июня 1918 г., в письме к находящемуся в Вене Аврааму Бен-Ицхаку (Зонэ), Бялик писал: «Как дела (дословно: мир, покой – прим. переводчика) у нас и у российских евреев? – Нет покоя! Но еще больше страх перед тем, что

⁵³ Бялик собирался, пока это было возможно, построить Центр ивритской культуры в России. В 1906 г. он отчитал И. Д. Берковича за его решение эмигрировать в Америку и написал ему: «Шум закончится и беспорядки прекратятся... И вновь наступит время для работы по возрождению... В конце концов, остатки нашей национальной души сохраняются в еврейской общине России и пройдет еще много лет, пока еврейская община Америки сможет конкурировать по этому вопросу с русской». Письмо за 3 января 1906 г. – Бялик, *Игрот*, т. 2, с. 6-7.

⁵⁴ О восторженной реакции петербургских евреев на Февральскую революцию см.: М. Beizer, *The Petrograd Jewish Obshchina (Kehila), in 1917. – Jews and Jewish Topics in the Soviet Union and Eastern Europe*, Winter 1989, pp. 14-15. О положении в Одессе см.: Усышкин, *Има Одесса*, с. 119. О надеждах, которые революция пробудила в российских сионистах, см.: М. Гликсон, *Маапеха (Революция)*. – *Ха-ам*. Приложение к № 8 (15), Москва, 24.2.1917; Гликсон, Хилуф мишмарот (Смена караула). – *Масуот*, Одесса 1919, сс. 7-10.

случится в будущем – и нет сомнений, что случится».⁵⁵ И действительно, жестокие расправы с евреями, произошедшие в России во время революции и особенно во время Гражданской войны, а также постоянно возрастающие ограничения на литературную деятельность на иврите со стороны Евсекции, усилили негативное отношение Бялика к Советской власти.

Об Октябрьской революции Бялик также судил по степени ее влияния на популярность антисемитизма в России. Давид Варди, один из актеров Габимы московского периода, рассказывает о реакции Бялика, когда весной 1921 года ему рассказали, что на Лубянской площади какой-то антисемит крикнул прохожему еврею: «Жид!» и убежал. Лицо Бялика просветлело, и он сказал:

Наше счастье, что мы дожили до того времени, когда после долгих лет самодержавия и черносотенного режима, антисемит в Москве смертным страхом боится [...] назвать еврея «жидом»! Дни Мессии еще наступят! От этих большевиков нам еще придет спасение. Ведь они, в конце концов, исполняют чаяния наших пророков. Кто еще так, как наши пророки, ненавидел господ и заступался за бедных? С каждым днем во мне крепнет убеждение, что мы должны согласиться с ними. Только одно меня удерживает: путь, который они выбрали для исполнения своих законов, не соответствует нашему духу. Их путь – это не наш путь. Их жестокость! Их справедливость! Но ужаснее всего – их Чека!⁵⁶

Реальные факты доказали Бялику, что революция не изменила поведения русских, знакомого ему еще по дореволюционному периоду. Все лозунги о новой морали, сопровождавшие революцию, не вызывали у него никаких иллюзий по поводу нравственности Советской власти. Когда на палубе корабля, везшего его из Одессы в Кушту, Бялик услышал о подавлении большевиками беспорядков в Красной армии, он не слишком удивился и сказал: «Если они [большевики] сочтут полезным для себя организовать погромы, никакие моральные принципы их не остановят».⁵⁷

Бялик также опасался, что увлеченность некоторых образованных евреев русскими политическими и культурными движениями приведет их к ассимиляции. Уже в 1904 г., в стихотворении «Ахэн гам зэ мусар Элоим» («И это действительно Божья мораль»), он выразил это опасение в виде резкой критики евреев, посвятивших свое творчество русской культуре. В 1917, будучи со всех сторон окружен революционными лозунгами об освобождении всех народов, Бялик пишет колыбельную, заканчивающуюся словами:

Поумнеет мой сынок и напишет книги,
Прославит свое имя и продлит свои дни,

⁵⁵ Бялик, *Игрот*, т. 2, с. 189-190.

⁵⁶ Давид Варди, Х. Н. Бялик бэ-Москва (Х. Н. Бялик в Москве). – *Мознайм* 32, 1959, с. 134.

⁵⁷ Динур, Арбаим у-шлоша йом ми-Одесса ле-Хайфа, с. 598.

И будет настоящим кошерным евреем.⁵⁸

О молодом еврее, со всем энтузиазмом увлекшемся коммунизмом, Бялик сказал: «Каша новая [...], но ею можно отравиться. [...] Это у него скоро пройдет, я уверен».⁵⁹ В лекции «Народ и язык» Бялик выразил опасение, что иллюзия свободы подтолкнет еще больше евреев посвятить свои талант и творчество русской культуре: «Теперь, с приходом свободы [...], наша культура становится собственностью всего человечества, [...] но с чем мы придем к своей земле, к самим себе?»⁶⁰

Отношение Бялика к Октябрьской революции становилось тем хуже, чем быстрее улетучивались его надежды на улучшение условий для образовательной, культурной и литературной деятельности на иврите в России. Он осуждал разрушительное влияние войны и революции на ивритскую печать и на национальный характер российского еврейства. «Война и революция разрушили почти всю издательскую деятельность на иврите в России», - сказал Бялик в 1924 году.⁶¹ А в 1926 описывал влияние революции на духовную жизнь российских евреев в самых мрачных тонах: «Была у нас в России огромная еврейская община, которая за последние несколько десятилетий превратилась в мощнейшую силу, подобной которой нет ни в одной стране диаспоры. [...] Война и последовавшее за нею ужасное кровопролитие подкосили российское еврейство, и сейчас оно барахтается в обломках разрушения, в своих собственных руинах».⁶²

Во время вышеупомянутой беседы с начальником отдела англоязычных стран Комиссариата иностранных дел Бялик высказал резкую критику по поводу ограничений, устанавливаемых новым режимом России на культурную деятельность на иврите. Чиновник попытался убедить Бялика и Клеймана, что сионизм – это только утопия. По словам Клеймана, Бялик ответил следующее:

Мы не верим в успех дерзкого эксперимента, происходящего в России, и для нас это утопия, которой не дано воплотиться. Тем временем страдания народа растут, и часто мы становимся свидетелями жестоких деяний, не имеющих смысла, с которыми наша совесть не может примириться. [...] Особенно скорбит наше сердце при виде беззакония, совершаемого по отношению к нашему языку и культуре, как и ко всему, что свято для нашего народа. Но вместе с

⁵⁸ Шир эрэс (Колыбельная). – *Ха-гина*, двухмесячник под редакцией И. Альтермана (отца Натана Альтермана) и И. Гальперина (отца Йонатана Ратоша) с участием Якова Фихмана, Одесса, № 2, ноябрь-декабрь 1917, с. 24.

⁵⁹ Мейтус, *Би-мехицатам шель софрим*, с. 114.

⁶⁰ Бялик, *Дварим ше-бэ-аль-нэ*, т. 1, сс. 17, 20.

⁶¹ Аль мацав ха-яадут вз-ха-сифрут ба-гола (О положении евреев и литературы в диаспоре). – Там, с. 47.

⁶² Выступление на приеме, организованном Сионистской Федерацией в Лондоне в январе 1926 г. – Там, с. 59.

тем мы понимаем, что это возвышенный человеческий идеал и дерзкая попытка одним махом покончить со всем злом, живущем в каждом человеке и в каждом народе. Если бы не покушение на вечные ценности нашего народа, мы тоже, вероятно, глядели бы на результаты этого эксперимента со святым трепетом и с замиранием сердца.⁶³

Во время ночной беседы Бялика и Клеймана с Наркомом иностранных дел Чичериным тот спросил их, почему такие идеалисты и интеллигенты, как они, не хотят участвовать в возведении «чудесного здания, сооружаемого здесь на благо человечества»:

Как вы не понимаете, что все отрицательное, что вы видите, есть не что иное, как временные явления, а сквозь них просвечивает великая надежда для человечества и для всех народов? Почему вы хотите убежать отсюда в какой-то глухой азиатский уголок, ведь даже если поверить, что вы сможете заниматься там культурной деятельностью, что значит эта деятельность по сравнению с великой работой по обновлению мира, открывающейся перед вами здесь?

В ответ на это Бялик с волнением высказал свой, еврейский, взгляд на революцию, не гнушающуюся никакими средствами для достижения своих целей:

Извините, господин. Но у нас, евреев, другое мировоззрение. Согласно нашей вере, из зла не может вырасти добро. И мы не сможем поверить в надежду человечества, когда каждый день наблюдаем пролитие невинной крови и жестокое унижение человеческого достоинства.

Клейман испугался дерзости Бялика и попытался смягчить его слова, но когда речь зашла о языке иврит, Бялик опять вспыхнул:

Всем народам России вы позволяете упрочиться, хотя бы в культурно-национальном аспекте, и даже помогаете им в этом, и только мы лишены даже примитивного права создавать произведения искусства и литературы на нашем национальном языке.

Когда Чичерин заявил, что не считает иврит национальным языком еврейского народа, Бялик повысил голос и почти закричал:

Так мы должны жить по вашей указке? [...] Ведь уже сам факт, что вы, а не мы, имеете право определять нашу национальную принадлежность и какой из наших языков является национальным, свидетельствует о том, что мы находимся в изгнании и угнетении, об отрицании наших национальных прав!⁶⁴

Высказывания и эмоциональные реакции Бялика в ночной беседе с Наркомом иностранных дел отражают глубину его обиды за евреев и степень его упорства в защите достоинства своего народа. Очевидно, что отношение к евреям было для него главным критерием при отрицании результатов русской революции.

---

⁶³ Клейман, *Давар*, 23.10.1936.

⁶⁴ Там.

Бялик прибыл в Палестину в 1924 году, после трехлетнего пребывания в Берлине. В августе 1921 г. он участвовал в 12-м Сионистском конгрессе в Карлсбаде и в своей речи описал положение евреев в России как «ад» и «долину смерти». ⁶⁵ В 1926 г. выступил с резкой критикой Реувена Брайнина за положительное описание жизни евреев в Советском Союзе, что привело к судебному разбирательству в суде Сионистского конгресса. ⁶⁶ В 1927 г. в очередном издании Большой Советской Энциклопедии в статье «Бялик» было написано так: «Живет в Палестине, занимается сионистской деятельностью, проводит антисоветскую пропаганду, в частности против помощи еврейским массам в их переходе на сельскохозяйственную работу в Советском Союзе». ⁶⁷ Бялик не держал зла на ивритских писателей, оставшихся в Советском Союзе из-за своей веры в коммунизм. В последние годы жизни он сделал все, что было в его силах, чтобы помочь Хаиму Ленскому опубликовать его произведения в Палестине и получить разрешение на въезд. «Ой-ой-ой, когда придет конец вашим мучениям? Где найдете вы силы вынести все это?» – писал он Ленскому. ⁶⁸

Отношение Бялика к революции как к исторической и политической идее

Скептическое отношение Бялика к русской революции основывалось не только на политических взглядах. Революционная идея была чужда ему еще и с психологической и с философской точек зрения. По словам Фихмана, «он всегда боялся инстинкта разрушения, заложенного во всякой революции, и ненавидел любую анархию. Дикой свободе он предпочитал несовершенный закон». ⁶⁹ Он считал хаос врагом свободы, как с внешней так и с внутренней точки зрения. ⁷⁰ Все свидетельства об образе жизни и поведении поэта рисуют человека импульсивного и деятельного, но очень остерегающегося нарушения семейных и общественных рамок, если оно способно причинить боль невинным людям. Он был щедр на проявление уважения и благодарности к личностям, обладающим духовным авторитетом (Ахад Ха-Ам, Менделе Мойхер-Сфорим и другие) и боялся внешних и внутренних волнений. ⁷¹ В детстве Бялик был бунтарем и нон-конформистом, но, повзрослев, вел консервативный образ жизни, заботился о положительной репутации в обществе и отличался, в основном, сдержанными и консервативными взглядами. Как

⁶⁵ Бялик, *Дварим ше-бэ-аль-нэ*, т. 1, с. 30.

⁶⁶ М. Унгерфельд, *Бялик вз-софрей доро* (Бялик и писатели его поколения). Тель-Авив 1974, с. 62.

⁶⁷ Нусинов, Бялик Х. Н. – *Большая Советская Энциклопедия*, т. 8, 1927, сс. 499-500. (Цитата приводится в обратном переводе с иврита. – Прим. переводчика.)

⁶⁸ Бялик, *Игрот*, т. 5, с. 192.

⁶⁹ Фихман, *Софрим бэ-хаейем*, с. 72.

⁷⁰ См.: Письмо к Бен-Ами, конец 1906. – Бялик, *Игрот*, т. 2, с. 21.

⁷¹ И. Х. Равницкий, Решимот пинкас аль Бялик (Записки из блокнота о Бялике). - *Рэшумот* (Записки): сборник мемуаристских, этнографических и фольклористских материалов, Тель-Авив 1946, сс. 182-183.

в личной, так и в общественной жизни, его отличали доброжелательность, скромность и чувство юмора, а также отрицательное отношение к разговору на повышенных тонах и эмоциональной несдержанности. В стихотворении «Бат Израэль» («Еврейская Дочь», 1902) поэт говорит о себе так:

Была у меня мать, ее память меня хранит,
Она велела мне побеждать свое сердце,
А сокровища и жемчужины желаний
Молча нести в глубинах его.

Бялик не принимал участия в общем осуждении мелких и крупных собственников, характерном для большевистской риторики в России и ее отголосков в Палестине. Он ценил людей с практической и коммерческой жилкой и сам проявлял коммерческие способности. М. Бен-Ами писал о нем: «Все его мнения и суждения были пропитаны излишней прозой и практичностью. Казалось, что он изо всех старается приобрести качества коммерсанта».⁷² «Для него не было большей обиды, чем выражение сомнения в его рациональности и способности понимать практические и коммерческие вопросы», - свидетельствовал Шломо Цемах.⁷³ В начатом в последние годы жизни и неоконченном эссе «Человек и его собственность» Бялик анализирует «привязанность человека к своему имуществу» и видит в ней проявление глубоко заложенного фундаментального человеческого инстинкта: связь между первобытным человеком и его имуществом являлась чем-то вроде «священного союза», подобного союзу между мужем и женой, и отголоски этой мощной связи до сего дня продолжают жить в каждом человеке.⁷⁴ В этом анализе человеческой природы слышится неверие в саму возможность построить общество, основанное на принципах общего имущества, не ущемив фундаментальных потребностей человека.

Хотя в поэзии Бялика и проявлялся страх перед застоем и распадом («Би-тшувати» - «Когда я вернусь», 1896 и «Кохавим мецицим ве-хавим» - «Звезды мерцают и гаснут», 1901 и др.), в стихотворении «Метей Мидбар» («Мертвецы пустыни», 1902) выражается его восхищение силой, заключенной в неподвижности, и неверие в действия, основанные на инстинкте сопротивления, жажде перемен и революционности. В стихах, выражающих оптимистический взгляд на перемены, освобождение представлено не как результат насильственного переворота, а как естественный процесс («Паамей Авив» - «Шаги весны», 1900) или как результат всеобщего усилия («Ла-митнадвим ба-ам» - «Добровольцам из народа», 1900). Поэзия Бялика свидетельствует, что разрушительные импульсы не были чужды его душе, но они всегда

⁷² М. Бен-Ами, *Ишей дорену* (Люди нашего поколения), Варшава 1933, с. 128.

⁷³ Ш. Цемах, Ха-адам им ахерим (Человек с другими). - *Кнессет* 4, 1939, с. 61.

⁷⁴ Бялик, *Диврей сифрут* (Литературные эссе), Двир, Тель-Авив 1965, сс. 201-203.

описываются как гибельные, демонические и опасные порывы, результат глубочайшего разочарования и отчаяния («Аль ха-шехита» – «О резне», 1903, «Давар» – «Последнее слово», 1904, начало поэмы «Мегилат ха-эш» - «Огненный свиток», 1905). «Мегилат ха-эш» показывает Бога Израиля ответственным за приступы гнева, разрушение и космическую ломку, вызванные отчаянием и подавленностью. Ему противопоставлен Ангел с ясными глазами, спасающий и сохраняющий остатки святости. Юноше с гневными веками, предсказывающему разрушение и уничтожение, противопоставлен Юноша со светлыми глазами – альтер-эго самого поэта, с его неустанными усилиями спасти и сохранить святой огонь. Кропотливая деятельность Бялика по сохранению еврейского культурного наследия в годы революций свидетельствует о его неприятии насильственного исправления мира. Даже в стихотворении «Гивъолей эштакэд» («Прошлогодние стебельки»), лирический герой которого оправдывает необходимость рубить и сжигать сухие ветки, чтобы дать возможность вырасти веткам новым, рубка веток описана как действие с демоническим оттенком.⁷⁵

Жестокость и даже «объективный» эгоизм в духе Ахад Ха-Ама («Аль штей ха-сэифим» - «Колебания», 1910) были чужды темпераменту и сознанию Бялика. Молодому Элиезеру Штейнману, одному из немногих восторженно принявших русскую революцию писателей (он даже пытался основать движение ивритских коммунистов), Бялик сказал:

Само слово «рахамим» (милосердие) своим звучанием, каждой его буквой по отдельности и всеми буквами вместе затрагивает нежнейшие струны нашего сердца и умоляет о милосердии. Стоит мне сказать Вам шепотом», - и Бялик действительно зашептал мне в ухо, - «слово «сэ» (ягненок), и сразу во мне просыпается жалость».⁷⁶

Такая психологически-идеологическая позиция также объясняет неприятие поэтом жестокости, связанной с революцией. В стихотворении «Эйн зот ки рабат цраратону» («Не пришел ли конец нашим бедам») (1903) вспышка еврейской жестокости представлена как реакция отчаяния на продолжительную жестокость со стороны не-евреев.

За год до Октябрьской революции Бялик написал эссе «Халаха вэ-Агада», в котором любит Еврейским Галахическим законом и видит в нем, как ни странно, **отцовскую милость** («рахамей ав»), а не обычно приписываемые ему суровость и негодование. В конце эссе он грезит о литературе и жизни, в которых будет меньше «эфмерной симпатии» и больше обязанностей и заповедей. Эссе заканчивается предложением: «Мы склоняем наши шеи. Где железный хомут?

⁷⁵ А. Цемах, *Ха-лави ха-мистатер* (Спрятанный лев), Кирьят сефер, Тель-Авив 1976, с. 20; М. Пери, *Ха-мивне ха-семанти шель ищрей Бялик* (Семантическая структура стихотворений Бялика), Симан крия, Тель-Авив 1976, сс. 164-165; З. Шамир, *Ха-шира ме-айн тимацэ: «Арс поэтика» би-цират Бялик* (Поэзия растет из ничего: «Арс поэтика» в творчестве Бялика), Тель-Авив 1987, сс. 180-199.

⁷⁶ Э. Штейнман, *Ми-дор эль дор* (От поколения к поколению). Ньюман, Тель-Авив 1951, с. 42.

Почему не появляются сильная рука и распростертые объятия?»⁷⁷ В этом предложении слышится намек на анархию, царившую в России в период написания эссе, и на тоску Бялика по миру своего детства, в котором существовали непререкаемые авторитеты.

В поэзии Бялика русская революция представлена в идеологической, философской и историософской перспективе, включающей в себя и реакцию на исторические и философские взгляды, распространенные в русской литературе того времени. В отличие от сдержанных идей народников (типа Михайловского), поддерживавших постепенные изменения в обществе и терпеливое воспитание народа интеллигенцией, идеи русских интеллигентов первого десятилетия 20 века черпались в философии Ницше и в апокалиптических теориях писателей-символистов.⁷⁸ Следуя за апокалиптической традицией православия и русской литературы (Гоголь, Достоевский и др.), писатели Серебряного века описывали революцию как апокалиптическое освобождение, а жестокость и кровопролитие как необходимый этап апокалиптического хаоса, обнажающего первичные человеческие инстинкты гибели и разрушения. Эти идеи воспринимались и некоторыми из молодых ивритских писателей – сторонников большевистской революции.⁷⁹

В молодости Бялик был учеником и последователем антиреволюционного взгляда на историю, в духе Михайловского и Ахад-Ха-Ама. В его первых националистических стихах (например, «Биркат ха-ам» - «Благословение народа», 1894, «Метей мидбар ха-ахароним» - «Последние мертвецы пустыни», 1897 и «Ла-митнадвим ба-ам» - «Добровольцам из народа», 1900) звучит вера в терпеливый совместный труд народа, не брезгующего повседневностью, не ищущего разовых революционных достижений и не пренебрегающего прошлым, даже если его взгляд обращен в будущее. В других стихотворениях того же периода («Би-тшувати» - «Когда я вернусь», «Ахен хацир ха-ам» - «И правда, народ – трава», «Аль левавхем ше-шамам» - «О ваших опустошенных сердцах», «Давар» - «Последнее слово») еврейский народ показан увядающим, загнивающим и умирающим. Эти стихотворения выражают опасения поэта, что ужасное положение народа невозможно изменить и поэтому любая надежда на изменение исторического статуса – это всего лишь иллюзия.

⁷⁷ Х. Н. Бялик, Сипурим (Рассказы). – *Диврей сифрут*, Тель-Авив 1965, с. 62.

⁷⁸ См.: Л. Ф. Кацис, Апокалиптика "серебряного века": Эсхатология в художественном сознании. – *Человек* 2, 1995, сс. 143-154; А. Руман, *A History of Russian Symbolism*, Cambridge 1994, pp. 229-231.

⁷⁹ Так, например, писал Элизер Штейнман: «Человек любит откармливать свое тело и ублажать свои чувства, но он также изо всех сил стремится к смерти и его тянет к ней, как мотылька к огню. Мы видим, как в течение многих поколений человек трудится в поте лица, чтобы построить высокие башни, достигающие небес, но однажды он встает и рушит построенное, и упоенный страстью разрушения, плюет в чашу своих наслаждений. Это упоение разрушением он зовет войной или революцией. ... Война и революция – это два жизненных этапа, которые как будто прорывают окно в темную душу человека». – Ха-мильхама вз-ха-революция (Война и революция). *Ха-ткуфа* (Эпоха) 1, 1918, с. 681.

Бялик сомневался в возможности изменить действительность вообще и, в частности, в шансы социальной или национальной революции изменить положение народа. В стихотворении «Арвит» («Вечерняя молитва», 1907) поэт смотрит в вечернее небо, видит облака и спрашивает:

Там воздвигаются миры
Иль тотчас разрушаются?

И отвечает:

Нет, там ничего не строится и ничего не рушится,

И видит око мое:

Это вечер дурацкий идет и сеет свой прах

По всей земле.

Эти строки напоминают иронические слова, написанные Бяликом Ш. Бен-Циону в период революции 1905 года:

С тех пор, как ты оставил наш народ – не проходит ни одного дня, в котором миры не рушатся и не создаются один за другим. Беспорядок и суматоха, разрушение и сотворение.⁸⁰

Некоторые стихи Бялика описывают апокалиптические исторические процессы.⁸¹ Стихотворение «Аль ха-шехита» («О резне», 1903) описывает конец света: мир рассыплется и исчезнет, как гнилой плод, из-за пролитой еврейской крови. В «Гивъолей эштакэд» («Прошлогодние стебельки», весна 1904) продолжение жизни обусловлено жестокими и бесчеловечными деяниями, а также огромным пожаром, возникшим оттого, что красивая и невинная дочь садовника сожгла сухие ветки. «Давар» («Последнее слово», лето 1904) заканчивается явно апокалиптической картиной: Ангел Смерти оседлал еврейский народ. Очевидна связь с новозаветным стихом: «И вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя Смерть» (Отк. 6:8).⁸² При этом апокалиптические картины в стихах Бялика не соответствуют мировосприятию русских символистов, считавших кровопролитие неотъемлемой частью очищающей и спасительной революции. Наоборот, Бялик категорически не приемлет апокалиптическое восприятие истории, согласно которому зло, жестокость и разрушение являются необходимым этапом на пути к спасению. Несмотря на несомненное знакомство с еврейскими

⁸⁰ Бялик, *Игрон*, т. 2, с. 3.

⁸¹ Об апокалиптике в поэзии Бялика см.: Hamutal Bar-Yosef, *The Zionist Revolution as an Apocalypse in the Poetry of H. N. Bialik and N. Alterman*. – *Trumah* 10, 2000, pp. 41-58.

⁸² Вероятно, этот отрывок написан под влиянием поэмы В. Брюсова "Конь Блед". Поэма описывает современную действительность как апокалиптическое откровение и начинается с процитированного стиха из «Откровения Иоанна».

корнями христианской апокалиптики,⁸³ он считал, что такое мировоззрение противоречит еврейскому духу, о чем и сказал Чичерину: «Согласно нашей вере, из зла не может вырасти добро». Этот протест особенно заметен в поэме «Мегилат ха-эш» («Огненный свиток»), в которой противопоставляются два вождя: один ведет общество по пути ненависти, разрушения и гибели, а другой – по пути сочувствия и утешения. Молодежь увлекается Юношей с гневными веками и следует за ним к своей гибели, но гнев и разрушение никому не приносят спасения. Бялик последовательно отрицал апокалиптическое мировосприятие, и этим он отличался от поэтов, которые в других отношениях являются его последователями, особенно от Ури Цви Гринберга и Натана Альтермана.

Политика и эстетика

Сдержанное отношение Бялика к революции и революционности связано и с его восприятием своего пути в искусстве. Его ранняя поэзия была вскормлена различными традициями русской литературы 19 века. В ней, например, бросается в глаза трепетное «классицистское» отношение к традициям прошлого и к духовным авторитетам (Моисей, Ахад Ха-Ам, И-Л. Гордон). Молодой Бялик тосковал по утерянным национальным ценностям, а к выходу за пределы традиционных рамок относился как к поверхностному массовому увлечению («Левади» - «Последний», 1902) или даже как к бесовскому действу («Аль левавхем ше-шамам» - «О ваших опустошенных сердцах», circa 1900). Склонность молодого Бялика к классицизму выражается и в многочисленных хвалебных одах, посвященных тем или иным личностям или явлениям.⁸⁴ Многие он взял также от русского и немецкого романтизма, хотя его тяготение к романтике привело его, в основном, к подчеркиванию важности духовного и языкового творчества в процессе национального возрождения, а не к вере в мятежные и бунтарские деяния или в классовые войны. Как романтик – а Бялик частично был романтиком – он верил в «справедливый» и «органический» характер исторических процессов, а не в над-моральные детерминистские процессы или апокалиптическую революционность. С самого начала своего пути Бялик осознавал, что между личным воображением поэта и его долгом перед действительностью существует определенное противоречие («Ба-аров ха-йом» - «Заложники сего дня», 1895). Но если до 1905 года он относился к воображению как к миру детских снов, в котором нет места взрослому

⁸³ Статью "Апокалипсис" (включающую в себя раздел «Древнееврейская апокалиптическая литература») для Еврейской энциклопедии на русском языке под редакцией Брокгауза и Эфрона (1908, т. 2, сс. 849-894) написал Давид Гинзбург. Статья содержит большое количество информации, ее библиография включает в себя труды Гереца, Елинека, Штейншнейдера, Хольцмана и Бутнойзера (последний написал соответствующую статью в Jewish Encyclopedia).

⁸⁴ О классицизме в поэзии Бялика см.: Д. Мирон, *Боа лайла! Йюним биццрот Х. Н. Бялик у М. И. Бердичевски* (Приходи, ночь!: Анализ произведений Х. Н. Бялика и М. И. Бердичевского). Тель-Авив 1987, сс. 40-42; З. Шамир, *Ха-шира ме-айн тимацэ*, сс. 7-44.

(«Гамадей лайла» - «Ночные гномы», 1895, «Зоар» - «Сияние», 1901), то с середины первого десятилетия двадцатого века его творчество выражает желание и право художника укрыться в своем прекрасном мире и оградить себя от событий современности и проблем поколения, включая революционные события.

К восприятию творчества в отрыве от социальной и национальной деятельности Бялик пришел после сближения с эстетикой символизма. Русские символисты первого поколения - Дмитрий Мережковский, Зинаида Гиппиус, Федор Сологуб, Константин Бальмонт, Иннокентий Анненский – занимали либеральную, антиреволюционную политическую позицию, и их поэзия была сосредоточена на субъективном мире поэта. В отличие от них, поэты-символисты второго поколения (главным образом, Блок и Белый) занимали позицию общественных пророков и видели в революции необходимый апокалиптический этап на пути к спасению человечества. В русской литературе на рубеже веков, которую принято называть литературой Серебряного века, царили новые ценностные критерии, отдававшие предпочтение эстетическим достоинствам и способности выражать личные переживания в духе декаденства и символизма, а не вкладу поэта в жизнь народа и общества. Большинство писателей Серебряного века относились к революции с определенной сдержанностью или с пессимизмом, и в лучшем случае видели в ней страшный (но необходимый) этап апокалиптического процесса. «Позитивистские» сочинения на социальные и национальные темы казались им ограниченными и устаревшими.

Когда Бялик открыл для себя символизм? Фихман пишет, что пребывание Бялика в Варшаве с осени 1903 года до конца зимы 1905 года и влияние И-Л. Переца сделали его взгляды более современными и сблизили с символизмом.⁸⁵ В разгар беспорядков в Одессе 1905 года Фихман и Бялик вели бесконечные споры о символизме, прогуливаясь по берегу моря.⁸⁶ Интерес Бялика к либерально- «декадентскому» символизму Серебряного века начал проявляться в его поэзии уже в 1896-1897 годы и еще более усилился в первое десятилетие 20 века.⁸⁷ Сближение поэта с модернистскими течениями породило трещину в его имидже «национального поэта» и привело Бялика к созданию поэтических и прозаических произведений на личные, интимные темы, демонстративно далекие от общественных и национальных вопросов. В нижеприведенном

⁸⁵ «Одесса предлагала самое большое аллегория как форму иносказания; Перец требовал символа. ... И кто знает, был бы написан "Огненный свиток", если бы не было Варшавы». – Фихман, *Софрим бэ-хаейем*, с. 55.

⁸⁶ «Мы купались в море, подолгу гуляли и спорили о русском символизме, поэты которого были тогда очень популярны». – Там, с. 58.

⁸⁷ О признаках декаденства в поэзии Бялика см.: Хамуталь Бар-Йосеф, *Магаим шель декаденс: Бялик, Бердичевский, Бренер* (Декадентские контакты: Бялик, Бердичевский, Бренер), Беэр-Шева 1997. О переключке между поэмой «Метей мидбар» («**мертвецы** пустыни») и русским символизмом см.: Э. Натан, *Ха-дерех ли-метей мидбар* (Дорога к «Метей мидбар»), Тель-Авив, 1993.

отрывке из стихотворения этого периода хорошо заметна попытка поэта укрыться в своем внутреннем мире:

Растет смута в стране, за ее пределом

Буду лежать я недвижим

Сладок по-прежнему свет, и сладка и благословенна...⁸⁸

Дата написания этого отрывка неясна, но, как справедливо заметил Дан Мирон, первая строка указывает на то, что он был написан в период революции или войны.⁸⁹ Сходство этого отрывка с описанием одиночества Шмулика в 14 главе поэмы «Сафиях» («Поросль»), написанной в годы Первой Мировой войны и опубликованной в 1919 г., подтверждает вероятность того, что отрывок написан в период революции. Такое стечение обстоятельств помогает объяснить и то, почему Бялик в период столь бурных политических событий предпочел погрузиться в написание произведений, восстанавливающих события его детства («Ха-хацоцра нитбайша» - «Трубе было стыдно», последние главы поэмы «Сафиях»), и в изучение фольклора.

Однако стремление укрыться в собственном внутреннем мире породило моральный конфликт, ибо отрыв от своего общественно-национального призвания казался ему изменой, и он не был уверен, что способен ее совершить. В поэме «Ха-Брейха» («Пруд»), завершенной в 1905 году, автор задается вопросом, может ли художник быть абсолютно оторванным от событий современности, игнорировать реальный внешний мир, укрываться в башне из слоновой кости и описывать лишь глубины своего воображения (такая возможность не раз описывалась символистской литературой). Пруд, символизирующий оторванный от действительности внутренний мир поэта, описывается, среди прочего, и в «день грозы», и это описание можно понять как аллегория состояния поэта в период войн и революций. Пруд отвечает на грозу тем, что сжимается и дрожит, как ребенок на руках у матери, и наблюдающий за прудом поэт задумывается, за что он опасается больше – за судьбу леса или за собственный покой.

Еще одним интересным свидетельством связи между поэтической и политической позициями Бялика является произведение «Ле-мемшелет ха-марш» («Правительству марша») – прозаический отрывок, впервые опубликованный сразу после Октябрьской революции,⁹⁰ и включенный в 1923 году в «Решимот ки-леахар яд» («Небрежные заметки»).⁹¹ Текст, стиль

⁸⁸ Бялик, *Ширим 1899-1934* (Стихи 1899-1934), Тель-Авив 1990, с. 356.

⁸⁹ См.: Там, с. 355.

⁹⁰ «Ле-мемшелет ха-марш» (Правительству марша). – М. Гликсон (ред.), *Оламейну* (Наш мир), Москва 1917, сс. 209-215.

⁹¹ О фрагменте «Ле-мемшелет ха-марш» см.: З. Шамир, *Бэ-эйн алила* (Без сюжета). Тель-Авив 1998, сс. 287-288.

которого соединяет традицию «очерка» с традицией стихотворений в прозе,⁹² описывает попытку сидящего в комнате поэта написать стихотворение. В то время как он колеблется, какой размер – дактиль или амфибрахий – использовать для его написания, с улицы доносятся шумы различного происхождения – у каждого своя особенная музыка. И вот на улицу выходит играющий марши военный оркестр, и поэту кажется, что все уличные звуки отказались от своей особенной музыки и присоединились к массовому шествию в темпе марша. К собственному удивлению, поэт обнаруживает, что и он, сам того не замечая, поддался влиянию и написал стихотворение в маршевом ритме. Как принято в символистских произведениях, здесь есть два уровня смысла: на поэтическом уровне Бялик описывает свои сомнения по поводу способности художника укрыться в процессе творчества от современности, посвятить себя чистому искусству и быть верным своей внутренней музыке. Он указывает на невозможность полного отключения от музыки, которую Осип Манделштам называл «шумом времени». При этом он делает различие между естественной музыкой повседневных звуков, общих и частных, восприятие которой не вредит поэту, и агрессивной, искусственной музыкой военного оркестра, навязывающей свое насильственное механическое звучание как поэту, так и всем жителям улицы, берущей их под контроль и уничтожающей их человеческую индивидуальность. На политическом уровне Бялик критикует культуру мысли, слова и действия – ту, которая вносит в жизнь жесткое и грубое механистическое единообразие. Такой ему виделась русская культура периода революции. На эстетическом уровне в отрывке чувствуется критика культа музыки, созданного Блоком под влиянием Ницше.

Несмотря на явное неприятие Бяликом символистской поэзии, его стихи первых двух десятилетий 20 века обнаруживают неизбежное влияние русского символизма: все возрастающее сопротивление роли национального поэта, замыкание в мире личных святынь и безразличное отношение к грубой повседневности и к себе самому. Первые стихи, написанные после нескольких лет молчания: «Ийе хелки имахем» («Да будет моя участь такой, как ваша»), «Ламенацеах ха-мехолот» («Дирижеру плясок») и «Эхад эхад у-вэ-эйн роэ» («Один, один, и невидимо»), – описывают проявления человеческой низости и стремление очиститься от нее. Вероятно, они свидетельствуют о том, что поэту становилось все труднее преодолевать конфликт между восприятием искусства как чисто духовного делания, с одной стороны, и своей изменной

⁹² A. Caws and H. Riffaterre, *The Prose Poem in France: Theory and Practice*, New York 1983; см. также: Хамуталь Бар-Йосеф, *Ха-решима ке-жанр шель маавар ми-реализм ле-символизм ба-сифрут ха-иврит* (Очерк как переходный от реализма к символизму жанр в ивритской литературе), Тель-Авив 1989. Отрывок был переведен на русский язык сразу после своего появления: сначала Давидом Исааковичем Выгодским, для сборника переводов рассказов Бялика (Москва, 1918), а затем русским теологом Александром Константиновичем Горностаевым для сборника переводов поэзии Бялика, который он пытался издать и для которого перевел собственноручно десять стихотворений. В своем переводе «Ле-мемшелет ха-марш» Горностаев сделал из отрывка поэму, так как, очевидно, чувствовал его поэтический характер. Машинописная рукопись перевода хранится в архиве Дома Бялика.

увлеченностью сионистской деятельностью, а также собственной литературной карьерой, с другой. Те немногие произведения, которые Бялик написал после 1916 года, свидетельствуют о желании отключиться, насколько это возможно, от занятости в «грязи» общественной жизни и замкнуться в собственном внутреннем мире. Это направление, культивируемое известными поэтами-символистами, которые переводили Бялика на русский язык, вполне сочеталось с их антиреволюционной политической позицией.

В качестве заключения: отношение Бялика к революционной идее вообще и к трем русским революциям в частности было большей частью отрицательным, за исключением короткого периода надежд на улучшения после Февральской революции. Политическое неприятие революций явилось, в основном, результатом разочарования в отношении властей и большинства русского народа к страданиям российского еврейства и к делу возрождения иврита, а также культуры и литературы на иврите в России. Бялик был потрясен явлениями жестокости и насилия, сопровождавшими революции, и затруднялся принять ницшеанскую апокалиптическую теорию, оправдывавшую насилие и разрушение как необходимый этап на пути к спасению. Эту теорию, распространенную среди писателей и мыслителей символизма, Бялик считал противоречащей еврейскому духу.

Кроме того, Бялик никогда не разделял восторги по поводу революционной идеи как таковой. Как во взглядах, так и в стиле жизни, он стремился к сдержанности, практичности и даже к определенному консерватизму, проявлял глубокое почтение к авторитетам и считал своим долгом спасать и сохранять прошлое еврейской культуры. В своем понимании человеческой природы он подчеркивал почти эротическую ценность, придаваемую человеком его собственности, и таким образом проявлял неверие в коллективизм. Бялик верил, что писатель поддерживает дух нации и поддерживает в ней жизнь, но опасался культурного климата, в котором исторические события ставятся превыше духовной жизни творца. Интерес к символизму углублял стремление поэта замкнуться в личном внутреннем мире и его пренебрежение к «шуму времени».

Перевод с иврита Елены Тартаковской.